

Натали:

Бандиты мне денег не давали

Мне дал денег вице-мэр

Еще год назад про нее мало кто знал. Ну, были разборы с семьей Виктора Цоя. Ну, крутили на дискотеках ее шлягеры «Поцелуй украдкой» и «Розовый рассвет», а клип «Снежная роза» клеймили (например, я) «как апофеоз безвкусыного необуржуизма».

Как вдруг осенью 1997 года благодаря песне «Ветер с моря дул» Натали стала если не знаменитой, то довольно-таки известной точно. Особенно в глубинке, в провинции. Сегодня Натали — гость редакционной «Гостиной». Как обычно, во встрече вместе с журналистами «Собеседника» участвуют студенты и ученики московских школ.

«Собеседник»: Натали, после четырех лет на эстраде ты вошла в первые строчки чартов неожиданно и — благодаря одному-единственному хиту. Что, интересно, сразу после этого подумалось: «Как же вы раньше меня не слушали!» или: «Ну, теперь вы у меня попляшете!»

Натали: Ни то, ни другое. Самое любопытное: песню эту знаю с тринадцати лет — пела ее в пионерских лагерях, в школах, на вечерах для родителей. Причем исполняла и под гитару, и в сопровождении ансамбля... «Ветер с моря дул» — песня, конечно, дворовенькая, но зато в ней столько искренности! «Видно, не судьба, видно, нет любви, видно, надо мной посмеялся ты...» — когда хочется кричать о любви, она стоит тысячи сладостных баллад!

В ней есть магия — это точно. Она всегда имела успех. Это я поняла еще в детстве, в родном городе Дзержинске, в Новгородской области: на всех концертах публика подпевала и просила спеть на бис.

«С»: Не обидно: как композитор и поэт ты написала более тридцати песен, а прославилась — чужой...

Н.: Значит, в моих песнях не было такой магии. Хотя они тоже регулярно звучали на дискотеках.

«С»: Например, «Розовый рассвет» и «Поцелуй украдкой». За них тебя, кстати, называют продолжательницей традиций «Миража» — эдакий «евродэнс» с русской мелодикой. Но четыре года тебе не удавалось стать популярной... Не было ли желания все и всех послать куда подальше — все-таки с твоей внешностью можно стать и актрисой, и фотомоделлю! Еще доступней — найти богатого любовника, который купит и нужных продюсеров, и телевидение!

Н.: Я вот не пойму, о чем я должна жалеть. Я жила, любила, сочиняла песни, которые, наверное, тоже были с долей наивности и с верой в сказку: «Русалочка», «Снежная роза»... Все шло по нарастающей

— появился опыт, новые, более удачные песни.

Мне еще с детства казалось: красивая жизнь легкой не бывает — надо много трудиться. И я трудилась... Кстати, особенно и не мечтала стать певицей. Эта профессия казалась мне несколько легкомысленной. Я хотела стать учительницей. И стала ею — закончила педагогическое училище, преподавала в младших классах. А в свободное время пела. Как-то раз оказалась в составе модного местного вокально-инструментального ансамбля. Гитаристы и барабанщик вели себя на сцене очень раскованно, лихо трясли «хайром». А я не знала, куда себя деть: вести себя подобным образом просто смущалась. Только закончилось выступление, только я собралась сбежать куда подальше и расплакаться, как подождут два парня. И один предлагает: «Вы здорово поете. Я — звукорежиссер, и у меня есть студия. Не хотите записать свои песни?»

Конечно, я бы его послала. Мало ли где у него студия — может, в каком-нибудь подвале... На подобные авантюры я никогда не поддавалась. Но второго парня знала и уважала, а потому и согласилась на предложение его друга. Так появились два магнитоальбома, которые быстро стали популярны в моем родном Дзержинске в начале 90-х. Постепенно мне захотелось записаться и на более качественной аппаратуре: такой, которой у нас в городе не было. И в 1993 году я рискнула — отпросилась на работу и махнула с тем парнем (его звали Сашей), звукорежиссером, в Москву. Мы просто вышли на вокзал и пошли искать студию. Захотелось «московского» качества.

«С»: Ну что такое колбаса «московского» качества, все примерно знают. А что такое «московское» качество студии?

Н.: Даже если знают, все равно скажу — дзержинская колбаса лучше.

А вот студии лучше в Москве. И вообще, меня очень удивил, потряс этот город — он такой огромный, люди в нем все время куда-то спешат. И так трудно в нем не затеряться, понять, что ты хоть кому-то нужна. Я не собиралась переезжать в Москву. Просто приехала в студию. Но потом мной, наверное, овладел азарт — и я решила доказать себе, что тоже что-то в этой жизни стою. И что этот гигантский город меня поймет. А не раздавит, как мелкую пылинку во время дождя. Я не стала сразу переезжать в Москву. Сейчас тоже — только снимаю здесь квартиру. Но в Дзержинске у родителей бываю теперь крайне редко — некогда. А первое время даже продолжала работать учительницей. Страшно мне было бросать дом, работу, учеников, которых я очень любила. Не хотелось расставаться со стабильностью своей дзержинской жизни. Самое тяжелое для меня в карьере певицы то, что в ней нет и не может быть уверенности в завтрашнем дне, возможности организовать домашний уют... А стабильность — это то, что я всегда очень ценила в жизни.

Думала, что буду жить так: вот дом, вот семья, вот работа. Так бы все, наверное, и получилось, если бы не Саша. Без него я, конечно, никогда бы не решилась на такую авантюру...

«С»: После этой суперменской решительности и предприимчивости ты в Сашу Рудина и влюбились!

Н.: Я дружила с мальчиками, но одного окончательно выбрать не могла. Никто мне не подходил. Каждый был хорош по-своему, но про-

го альбома: ходят слухи, что записала ты его на «бандитские» деньги. А собственно, и откуда взялась нужная сумма у юной учительки?

Н.: Я лежала в больнице, и рядом со мной в палате оказалась жена вице-мэра города. А я и не знала этого — стала петь свои песни соседкам, рассказала о наших концертах. А женщина эта потом сказала мужу: «Я влюбилась в одну девочку — у нас в палате лежит. Такая талантливая, давай ей поможем!» Вице-мэр и подписал бумагу: выделить деньги на творчество. Нужную сумму перевели в студию, я записала альбом «Русалочка». Так что спасибо родному городу — он меня спонсировал!

«С»: В Москве стать «своей» ты, напротив, не спешишь. Даже не стремишься попасть ни в одну из звездных тусовок: не берут или стесняешься?

Н.: Специально тусоваться я никогда не стремилась. Многие убеждали: главное — это попасть в звездную тусовку. Поэтому надо специально приодеться, пококетничать, поклоняться в ножки, попросить песен... Мне было это не близко. Не хотелось попадать в личную или финансовую зависимость от кого-либо. И я «мудро-тусовочные» советы выслушивала, но сразу же забывала. А когда оказывалась на звездных тусовках — совсем молоденькая еще девчонка — быстренько пела и застенчиво сваливала. Видимо, сказывалась и моя провинциальность: неумение болтать-тусоваться ни о чем... В 1997-м все встало на свои места — после песни «Ветер с моря дул». Те, кто в упор не замечал, здороваются уже, как с лучшей подружкой! Вика Цыганова сообщила: «О, «Ветер с моря дул» — моя любимая песня!» Игорь Николаев похвалил: «Молодец! Продолжай!» Так тусовка меня увидела. А раньше не замечала, хотя я и была...

«С»: В общем, теперь все у тебя в порядке. И слава есть, и деньги.

диеты я и похудела. Просто усохла совсем. Без мамы и папы. А вы говорите — хорошо жить стала!

«С»: Мы не говорим, а спрашиваем. Вот, кстати, и об этом: почему от хорошей жизни поп-звезды тебя потянуло к кумиру 80-х Виктору Цою? Зачем ты сделала из его песни «Звезда по имени Солнце» шлягер в духе Роберта Майлса? Отчего возник конфликт с вдовой музыканта Марьяны?

Н.: Мне очень понравились слова этой песни, которую я тоже пела когда-то в детстве. И когда меня упрекают, что я «скрестила» Цоя с Майлсом, отвечаю: «Если и было скрещивание, то очень удачное. Потому что Роберт Майлс символизирует быстрый темп нашей жизни. А стихи Виктора — что-то вечное...»

Я — молодая женщина из другого поколения и потому спела «Звезду по имени Солнце» так, как я ее чувствую. Кстати, некоторые молодые люди никогда не слушали Цоя и только после моих концертов стали поклонниками группы «Кино».

Про то, что вдова Виктора — Марьяна воспримет это в штыки, я и не подозревала. Я просто записала песню и попросила продюсера, чтобы он уладил все юридические вопросы в Российском авторском обществе. Но неожиданно выяснилось, что Марьяна сумела все песни «Кино» забрать из РАО себе лично... Я звонила ей домой, но разговаривать со мной она не захотела.

«С»: Твоя любовь к рок-классике этим не утолилась: теперь ты спела «Птицы белые мои» Константина Никольского в стиле дрим-хаус.

Н.: Песни «Воскресения» мне пели мальчики в пионерском лагере, объясняясь в любви. И у меня почему-то лились слезы... С этими песнями я росла, а сейчас просто решила спеть сама.

Когда-то я старалась петь, как западные звезды. Но только недавно поняла: не надо мне этого! Я — наша, русская, может, немного провинциальная, но такая, какая есть. Искренняя и азартная. И должна идти от детства, от истоков своей души.

«С»: А помогает ли тебе шагать по эстраде небосклону учительское прошлое?

Н.: Да, иногда я «включаю учительницу». На гастролях, когда чувствую, что энергия утекает, строго говорю менеджерам и музыкантам: «Ну все, собрались. Давайте строго разберемся в наших ошибках!» Строгость — это не значит злость. На моих занятиях в младших классах строгость и дисциплина были всегда: зато дети могли заниматься спокойно, без шума и бес-

сто — не мой! И я постепенно начала думать, что это во мне что-то не в порядке. Решила, что больше я молодых людей мучить не стану. Поскольку ребята всегда болезненно переживали мои отказы. Мне было их очень жалко, но жалость — не любовь... И я стала готовиться жить одна. Только решила, как и подходят ко мне тогда эти двое... Если бы Саша обратился ко мне не по делу, а с предложением, например, пойти в кино, то я бы знакомясь с ним не стала. А так — постепенно — с общего увлечения музыкой и совместной работы любовь и началась.

«С»: Продолжим необычную историю происхождения твоего перво-

Н.: Нет, денег особенно нет. Они вообще имеют такую странную особенность — они если есть, то их сразу и нет. Наверное, я немного оторвалась, но пока хочется платьев разных, туфель. Побольше! Ничего сверхъестественного — обычные женские причуды...

«С»: Кстати, за четыре года после выхода «Русалочки» ты сильно изменилась. Например, похудела.

Н.: Все очень просто: когда я жила дома, с мамой-папой, они меня закармливали. Теперь приезжаю к гастролям, лезу в холодильник, а там — шаром покати. Но я очень люблю креветки. Их всегда можно набить в холодильник надолго. И — с пивом! Вот от такого жесткого концертного графика и вынужденной

порядка. Бардака я никогда не терпела. Поэтому никогда не давала этим «жукам» сесть себе на шею: они хоть и маленькие, но уже каждый со своим характером, в котором могут возобладать или достоинства, или недостатки. Я была строгой, но справедливой. Наверное, детям и было приятно, что у них такая учительница, — многие учились очень старательно...

По школе я скучаю и, может, поэтому еще иногда «включаю учительницу» и со взрослыми: «Ну-ка, разберемся в наших ошибках!» А порой «включаю» и для себя самой. Помогаю.

Записал Александр АЛЕКСЕЕВ. Фотографировал Яков ТИТОВ.